

**Архивы умолчаний:
локализация и интерпретация лакун
в фольклорном архиве***

Татьяна Хоруженко

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**Paralipsis Archives:
Ways of Localisation and Interpretation
of Gaps in a Folklore Archive****

Tatiana Khoruzhenko

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article explores the problem of the paralipsis of a folklore archive with reference to materials stored at Ural Federal University. The author hypothesises that folklore archives can be studied not only through access to the collections kept in them but also through paralipsis/lacunae that appear in them. In the Russian and European traditions, the very principle of collecting material determines the appearance of gaps in folklore archives. The researcher interviews the informant in accordance with their mental map, which inevitably leads to the loss of part of the material, especially in situations where the “context of the situation” is not fixed. The author analyses archival texts collected in the village of Gary, Sverdlovsk Region, in 1977. Gaps and omissions were identified during the digitalisation of the Ural Federal University folklore archive collection. The article describes the method of keywords, which made it possible to partially localise gaps. Also, the description of the texts of the archive through keywords helped identify lacunae of a genre, thematic, and contextual character never studied previously. The last part of the article mainly focuses on describing and interpreting gaps that appeared due to the lack of context.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** Citation: Khoruzhenko, T. (2023). Paralipsis Archives: Ways of Localisation and Interpretation of Gaps in a Folklore Archive. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1313–1325. DOI 10.15826/qr.2023.4.849.

Цитирование: Khoruzhenko T. Paralipsis Archives: Ways of Localisation and Interpretation of Gaps in a Folklore Archive // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1313–1325. DOI 10.15826/qr.2023.4.849 / Хоруженко Т. Архивы умолчаний: локализация и интерпретация лакун в фольклорном архиве // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1313–1325. DOI 10.15826/qr.2023.4.849.

The article puts forward several hypotheses that make it possible to interpret some of the gaps identified. The author also attempts to restore the research context in which the material was collected, for which she employs methodological recommendations formulated by V. P. Kruglyashova, the academic leader of the folklore expedition. Part of the interpretation of the gaps relies on the comparison of her recommendations with their implementation in practice with reference to the Gary collection. From the methodological point of view, the article can be of use to everyone working on the problems of the digitalisation of cultural heritage.

Keywords: folklore archive, digitalisation, gap, context, database

Исследуется проблема лакуарности фольклорного архива на примере коллекций, хранящихся в Уральском федеральном университете. Выдвигается гипотеза о том, что фольклорные архивы могут изучаться не только через обращение к хранящимся в них коллекциям, но и через возникающие в них умолчания (лакуны). В отечественной и европейской традиции уже сам принцип сбора материала во многом предопределяет появление в фольклорных архивах лакун. Исследователь опрашивает информанта в соответствии со своей ментальной картой, что неизбежно ведет к утрате части материала, особенно в ситуациях, когда не фиксируется полевой контекст. Материалом для анализа послужили архивные тексты, собранные в поселке Гари Свердловской обл. (1977). Примеры лакун и умолчаний выявлены в ходе цифровизации фольклорного архива УрФУ. При описании текстов архива через ключевые слова были выявлены лакуны жанрового, тематического и контекстуального характера, ранее не исследованные. Основное внимание последней части статьи сфокусировано на описании и интерпретации лакун, возникших из-за недостатка контекста. Формулируется несколько гипотез, позволяющих интерпретировать некоторые из обозначенных лакун. Также делается попытка восстановить научно-исследовательский контекст, в котором происходил сбор исследуемого материала, для чего привлекаются методические рекомендации, сформулированные научным руководителем фольклорной экспедиции В. П. Кругляшовой. Часть интерпретации лакун основана на сопоставлении ее рекомендаций с их выполнением на практике на примере коллекции Гаринского района Свердловской обл.

Ключевые слова: фольклорный архив, цифровизация, лакуна, контекст, база данных

Конец XX и начало XXI в. ознаменовались новым интересом к изучению и осмыслению прошлого, запечатленного в документах. При этом фокус интереса во многом сместился в сторону эго-документов и личного восприятия истории. В результате роль архивов возросла настолько, что историк П. Нора смог иронизировать об «одержимости архивами». Он отмечал: «Сегодня, когда историки подавлены культом документов, все общество проповедует религию сохранения и производства архивов» [Нора, с. 29].

Исследователь памяти А. Ассман использует следующую метафо-

ру для описания архивирования: «Архивные материалы находятся как бы в чистилище между адом забвения и раем памятования. Они существуют в состоянии латентности, ожидания, межвременья; они ждут специалистов, журналистов, писателей, которые занимаются поиском, делают находки и превращают эти находки в достояние общественности. Это происходит за счет попадания находки в новый контекст, который нагружает ее новым смыслом. Не только писатели, художники, но и гуманитарные науки в целом занимаются актуализацией архивных материалов» [Ассман, с. 37–38].

Наблюдения, сделанные над историческими архивами, частично справедливы и для другого типа архивов – архивов фольклорных. Изменение исследовательского контекста и технологический прогресс ставят перед специалистами новые проблемы и задачи, что, в свою очередь, ведет к пересмотру и переоценке уже имеющихся фольклорных материалов и теоретических подходов к ним [см. об этом: Panchenko]. Одной из актуальных задач как для отечественных, так и для зарубежных ученых является перенос ранее собранных коллекций в цифровую среду. Одновременно в пространстве Интернета формируются новые архивы и коллекции, касающиеся сохранения индивидуальной памяти [Лапина-Кратасюк, Рублева; Петров].

Цифровизация архивов приводит к возникновению вопросов как сугубо технологического плана (перенос материалов из одной формы бытования в другую), так и эпистемиологического [Грамотчикова, Хоруженко]. К таковым относятся методология записи материалов в предшествующие десятилетия, изменение восприятия ряда тем, изменение взаимоотношений в тандеме «собиратель – информант».

Целью статьи является анализ лакун, выявленных при переводе фольклорного архива УрФУ в цифровой вид. В процессе внесения материалов в базу данных встал вопрос о том, насколько полны и объективны те записи, с которыми мы работаем, какие факторы повлияли на форму и содержание записей.

В процессе работы сложилась *гипотеза*, что фольклорные архивы можно изучать не только как сборники некоей информации, но и как своего рода проекцию взглядов и предпочтений того исследователя, который руководил формированием коллекции. В таком случае значимыми становятся не только наличествующие материалы, но и умолчания (отсутствие явно существовавшего материала), и лакуны² (утрата контекста или ряда тем).

Важно уточнить специфику фольклорных архивов. В отличие от исторических источников, материалы фольклорного архива очень сложно верифицировать. Чаще всего у исследователей уже нет воз-

² Под лакунами обычно понимают «пробелы, “белые пятна” на семантической карте языка, текста или культуры в целом, незаметные изнутри, при рассмотрении одного языка текста или культуры, но выявляющиеся при их сопоставлении» [Марковина, с. 59]. Можно расширить это определение, подчеркнув, что лакунарность может возникать и внутри одной культурной традиции при недостаточно четкой ее фиксации.

возможности повторно опросить информанта, нельзя установить факт с помощью перекрестных ссылок и опоры на иные документы (хроники, воспоминания современников, дневники). Фольклорный текст существует как бы сам в себе, и в том случае, если собиратель не зафиксировал контекст записи (не записал беседу на диктофон или магнитофон), исследователи вынуждены работать только с имеющимся расшифрованным текстом [Sava, p. 7; Wolf-Knuts, p. 116]. Оцифровка фольклорных архивов позволяет частично восстановить локальный и темпоральный контекст, в котором сами отсутствующие позиции, умолчания и эвфемизмы могут стать материалом для исследования.

Субъективизм сбора и организации фольклорного материала

Субъективизм при формировании фольклорных коллекций был заложен еще в XIX в. одновременно с накоплением материала. Собиратели достаточно произвольно опрашивали своих собеседников, опираясь или на свой интерес, или на анкеты, рассылавшиеся Русским географическим обществом.

Приведем пример из «Заметки собирателя» П. Н. Рыбникова, в которой он описывает опыт сбора песен и былин в 1860–1862 гг. и рассказывает о взаимодействии с певцом: «В тот же вечер Рябинин (информант. – Т. Х.) пропел мне о Иванушке Гоудиновиче, боярине Ставре, Садке и Михайле Потыке. В следующие дни он приходил ко мне по вечерам без зова и сам вызывался рассказать что-нибудь новое. Обыкновенно я называл ему богатырские имена, какие знал, иногда рассказывал вкратце подвиги богатыря, а Рябинин тут же припоминал былинку или же предлагал вместо нее спеть другую» [Рыбников, с. LXXVI–LXXVII].

П. Н. Рыбников описывает частую практику сбора материала – собиратель опрашивает информанта по тому материалу, что знает сам. Уже сама постановка вопроса задает некоторый субъективизм при отборе материала. Если речь идет об авторской коллекции, то субъективизм объясним, более того, он будет отражен в названии коллекции. Однако аналогичный подход характерен и, например, для университетских коллекций фольклора. С. Б. Адоньева, рассуждая о сборе полевых материалов, отмечает: «Отправляясь в экспедицию, исследователи обычно исходят из имеющейся у них на руках на тот момент “ментальной карты”. У них есть определенные ожидания и установки, явно проговариваемые или предписанные той ролью, которая отведена им научным заданием “командирующей стороны”: я (субъект) исследую определенный предмет (объект)» [Адоньева, 2018, с. 159].

Проблемы при таком отборе материала становятся достаточно острыми в случае разрыва научной преемственности: невозможность расспросить тех, кто формировал фонды, ведет к неизбежному переосмыслению имеющихся материалов. Например, фольклорный архив УрФУ формировался с 1950-х гг., при этом доминирующей была уста-

новка на сбор несказочной прозы и рабочего фольклора, что отразилось и в выборе населенных пунктов для проведения экспедиций – в приоритете были индустриальные центры Урала.

Принципы систематизации фольклорных архивов

Накопление материала требует его упорядочивания и систематизации. Систематизация фольклорных текстов с XIX в. носила территориальный и (или) внутрижанровый характер. В настоящее время эти два подхода к структурированию – жанровый и географический – применяются в большинстве европейских, российских и американских архивов [см.: Georgitis; Ekström; Березкин, Дувакин; Кляус].

Этот же принцип сохраняется и при цифровизации архивов. Примером тому может служить один из первых цифровых фольклорных архивов – Эстонский фольклорный архив (Eesti Rahvaluule Arhiiv). Информация на сайте архива представлена двумя способами: это списочные данные о местах записи, собирателях и информантах, о фото- и видеоматериалах и записи фольклора по жанровым коллекциям. На данный момент работа в архиве направлена на то, чтобы скоординировать между собой имеющиеся разнообразные базы данных и поиски по ним [Ilyefalvi, p. 221; Järv]. Проблема координации имеющихся фольклорных материалов актуальна и для российских фольклорных архивов [Галлямов, Орехов, с. 140].

Самой первой попыткой универсальной надтекстовой систематизации можно считать выделение «простейших повествовательных единиц» [Веселовский, с. 300], то есть мотивов. Б. Путилов считает мотивы «устойчивыми семантическими единицами» [Путилов, с. 180]. При этом отчетливость выделения мотивов невысока, что ведет к необходимости постоянной дополнительной конкретизации (алломотивы, мотивемы и др.), а само выделение мотива во многом зависит от эрудированности самого интерпретатора [Неклюдов].

По сей день чаще всего при систематизации и категоризации фольклорных текстов применяется именно жанровый принцип, что ведет к чрезвычайному расширению сетки жанров [см.: Марковская] и к тому, что каждый жанр описывается по своим собственным критериям. Так, для сказок важны персонажи, но они утрачивают релевантность для лирических песен [Галлямов, Орехов, с. 147–148].

Решить проблему наджанровой систематизации архивных материалов, с нашей точки зрения, могут ключевые слова.

Систематизации фольклорного архива через ключевые слова

Выделение ключевых слов представляет собой отдельный теоретический вопрос [Мороз; Галлямов, Орехов]. Чаще всего ключевые слова предлагают использовать для передачи или описания «категорий традиционной культуры» [Мороз]. По нашему мнению, с помощью ключевых слов должно передаваться содержание текста, а не анали-

тическая информация. Задача ключевых слов – создать смысловую сеть поверх жанровых границ текстов. Таким образом, пользователь базы данных сможет найти все тексты, например, о камнях – не только в жанре предания, но и в песнях, сказках и загадках.

За основу для создания корпуса ключевых слов нами были взяты словари научного коллектива (рук. – проф. Л. Г. Бабенко), описывающие семантическое поле русского языка [Бабенко]. Мы сознательно отошли от более специализированных, ориентированных на традиционную культуру категорий, чтобы сделать наше описание аналитически непредвзятым, нейтральным. Между тем, на практике каждый исследователь выделяет свой набор ключевых слов в тексте в зависимости от компетенций интерпретатора.

Метод выделения ключевых слов, не будучи идеальным, позволяет, тем не менее, сделать описание фольклорного текста максимально нейтральным, когда содержание текста передается практически без интерпретаций, и исследователь может увидеть интересующую его проблему комплексно. Например, если выбрать ключевое слово «смерть человека» в жанре охотничьих рассказов, то можно получить набор текстов, повествующих о разнообразных случаях гибели на охоте. Подобный корпус текстов может установить, как к смерти человека относятся, как о ней рассказывают, какая смерть более почетна и т. д.

Лакуны в фольклорном архиве и способы их интерпретации

Работа с ключевыми словами раскрыла перед нами новые горизонты в исследовании коллекций. Прежние методики анализа фольклорных текстов всегда ориентировались на то, как материал представлен в фольклорном архиве. Разнообразные руководства по фольклорным практикам и методические рекомендации советуют студентам ориентироваться на определенную жанрово-аналитическую схему [Савушкина; Камлюк-Ярошенко; Урсегова]. Но при системном внесении текстов в базу становится очевидным не только то, что в ней есть, но и то, чего в ней нет. Обнаруженные как в жанровом, так и в тематическом составе лакуны ставят перед исследователем ряд вопросов и позволяют сформулировать некоторые наблюдения и гипотезы.

Можно выделить несколько групп лакун, обусловленных разными факторами. Во-первых, лакуны, возникающие при переводе текстов с одного языка на другой (например, с айнского на русский [Осипова]). Однако для нашего исследования подобные лакуны нерелевантны. Во-вторых, географические лакуны, то есть необследованные территории внутри региона. Для выявления таких лакун применяется метод картографирования местности [Чистов]. Причины, по которым та или иная местность не попала в поле зрения фольклористов, могут быть самыми разными. Можно предположить, что наиболее распространенных причин две – либо доступ к этой местности за-

труднен физически, либо это местность, в которую участники экспедиции не приехали или приехать не успели по каким-либо субъективным соображениям ее руководителя.

Третий тип лакун, обнаруженный при цифровизации фольклорного архива, – лакуны темпоральные. При системной работе с архивом можно заметить, что есть годы, в которые было больше выездов, и есть те, в которые выезды не проводились.

И наконец, наибольшую группу, выявленную нами, составили лакуны, связанные с отсутствием контекста записи, исполнения, исследовательской установки. Подобные лакуны, с одной стороны, порождают ряд вопросов, ответить на которые часто невозможно, а, с другой – ряд гипотез, позволяющих смоделировать причины появления данных лакун и их возможное (но не верифицируемое) объяснение.

Исследования, связанные с контекстом, активно развиваются с 1967 г., когда фольклорист Дэн Бен-Амос предложил изменить подход к фольклористике: «То, что раньше рассматривалось как *социальный контекст* (по терминологии Бэскома) или *контекст ситуации* (по терминологии Малиновского), вторичный по отношению к *тексту*, выдвигалось Бен-Амосом и его последователями на первый план, в то время как записи фольклорных произведений, осуществленные без учета контекста, фактически объявлялись бесполезными для фольклористики» [цит по: Алексеевский, с. 44–45].

Нельзя сказать, что советская фольклористика совершенно не интересовалась контекстом записываемого фольклорного произведения, но акцент в ней ставился преимущественно на отражении исторической действительности [Там же, с. 47]. На частном уровне это стремление восполнить исторический контекст иногда приводит к комичным последствиям. Так, в исследуемой Гаринской коллекции (записи из пос. Гари, сделанные в 1977 г.) может быть указан социальный статус информанта, но не указан возраст.

Иногда «контекст ситуации» в записях 1977 г. можно восстановить из рассказа информанта. Например, женщина вспоминает о своем детстве и о своей жизни. Приписка собирателя «Вспоминала с волнением. Когда рассказывала – торопилась» выглядит логичной. Или аналогичное указание на контекст («Вспоминает с затаенной грустью, с блеском в глазах») при рассказе о свадебных традициях также не вызывает удивления. Но достаточно часто в наших записях встречаются ремарки «Рассказано у столовой», «Рассказал у магазина» и пр. При этом остается только догадываться, почему собеседник студентов-практикантов именно в этом месте решил рассказать им про встречу с медведем.

Современные методы записи фольклорных материалов частично решают проблему нехватки контекста. В частности, сегодня речь идет о «фиксации фольклорных явлений (собственно фольклорных произведений, их многочисленных контекстов: коммуникативного, бытового, обрядового и др.), возникающих непосредственно в процессе поисково-собирательской работы фольклориста в среде носите-

лей традиции» [Вовчак, с. 322]. Следует отметить, что в методических рекомендациях периода 1970-х гг. тоже есть требование фиксировать контекст, в котором бытует устный текст. В частности, такие методические рекомендации давала В. П. Кругляшова, создательница фольклорного архива УрГУ (УрФУ): «Весьма важно фиксировать обстановку, в которой происходит рассказывание, а также возгласы, реплики, комментарии слушателей. Запись текста обрастает важными деталями, становится этнографо-фольклористической, способствует выяснению функции предания в его активном бытовании» [Кругляшова, с. 23]. При этом собирателю рекомендуется полно и точно записать именно фольклорный текст, речи о записи беседы, предшествовавшей рассказу, не идет [Там же, с. 14], хотя рекомендуется сперва расспросить информанта о его биографии [Там же, с. 17].

На основе выявленных контекстных лакун нами сформулировано несколько предположений, позволяющих интерпретировать встретившиеся лакуны в оцифрованной коллекции. Лакуны в жанровом составе, по всей видимости, возникают в двух случаях: с одной стороны, может идти речь об определенной исследовательской установке, с другой – об отношении информантов к определенному жанру. Н. Б. Граматчикова отмечает, анализируя одну из коллекций фольклорного архива УрГУ (УрФУ): «Методологическая рефлексия в отношении представленных в архиве материалов обнаруживает влияние на характер и объем записываемых материалов со стороны каждого участника экспедиционного процесса: свой вклад вносили научно-методические установки руководителей практики – представителей кафедры фольклора УрГУ, личные качества студента-собирающего и степень (само)цензурирования со стороны информанта» [Граматчикова, с. 219].

Именно установкой информантов можно объяснить преобладание в ряде коллекций песенного и частушечного материала при сравнительно низком количестве сказок и несказочной прозы. Информанты, по всей видимости, воспринимают песни и частушки как «безопасный» материал, который можно предоставить приехавшим на практику молодым студентам.

Гипотезу об исследовательских интересах руководителя практики поддерживает анализируемая нами Гаринская коллекция, в которой интересы В. П. Кругляшовой к несказочной прозе проявились очевидно [Кругляшова, с. 14–15]. Установками главы кафедры можно объяснить и отсутствие в материалах анекдотов. Устные свидетельства людей, сотрудничавших с В. П. Кругляшовой, подтверждают, что она крайне негативно относилась к анекдоту как к фольклорному жанру.

Если говорить о тематических лакунах, обнаруженных нами в процессе оцифровки фольклорного архива, то можно выделить несколько глобальных фигур умолчания. Две самые крупные – отсутствие текстов о родильно-крестильном и похоронном обрядах (при этом тексты о свадьбах присутствуют); отсутствие «телесных» текстов, связанных с физиологической и половой жизнью человека. На наш

взгляд, эти лакуны можно объяснить составом участников экспедиции и их возрастом. Данная гипотеза подтверждается наблюдениями над прагматикой фольклорного текста: «Пол, возраст и социальный статус оказывались факторами, определяющими распределение фольклорного материала с учетом определенной социальной модальности» [Адоньева, 2004, с. 18]. В экспедиции 1977 г. опросы проводили молодые люди и незамужние (скорее всего) девушки. Возраст информантов же в среднем превышал 75 лет. Можно предположить, что пожилые люди не считали для себя возможным рассказывать о родах, похоронах и сексе молодым собеседникам, но охотно делились мистическими историями из жизни.

Третьей лакуной, обнаружившейся при внесении текстов в базу, стали особенности отражения внутреннего мира человека. Основной состав коллекции – несказочная проза, но информанты практически не рефлексируют о чувствах героев рассказа. При этом рефлексия о ценности информации («Это все старики рассказывали», «Я в это не верю, не знаю, так или нет») присутствует. Можно предположить, что отсутствие описаний эмоций связано с изначальной установкой информантов на то, что люди в сходных ситуациях чувствуют примерно одинаково. То есть, рассказывая страшную историю, информант предполагает, что все понимают/разделяют чувства героя, поэтому акцентирует внимание как раз на чем-то неожиданном (например, на смелости героини, а не на ее испуге). Добавим, что именно эта лакуна больше всего связана с утратой контекста вокруг записи фольклорного текста. Возможно, предшествующий разговор как раз касался эмоций, а текст, попавший в итоговую запись, был своего рода иллюстрацией. Не исключено также, что информант мог мимикой и жестами передать эмоции, а невербальные знаки практически никогда не включаются в запись.

В данной коллекции религиозная сфера лакуной не является. Наоборот, информанты достаточно свободно говорят о чуде, произведенном иконой, о том, как справляли религиозные праздники, и т. д. В нескольких текстах упоминаются крестные знамения и молитвы как обязательные к исполнению. Можно предположить, что самооценочные границы информантов лежали не в тех плоскостях, которых мог бы ожидать исследователь XXI в.

Локализация лакун и попытки их интерпретации позволяют по-новому взглянуть на фольклорные материалы, перенести акцент с изучения жанров на реконструкцию контекста вокруг. Фольклорный архив, таким образом, может рассматриваться не только как место хранения материалов, записанных в разные годы, но и как место хранения исторической памяти как таковой. Через систему умолчаний и, наоборот, «проговорок» можно частично восстановить контекст эпохи, мировоззрение исследователей и их собеседников.

Библиографические ссылки

Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та : Амфора, 2004. 312 с.

Адоньева С. Б. Опыт «поля» в дневниках исследователей Русского Севера: записи Натальи Павловны Колпаковой // Из истории русской фольклористики. Вып. 11. К юбилею В. И. Ереминой. СПб. : Свое изд-во, 2018. С. 158–187.

Алексеевский М. Н. Фольклористика между текстом и контекстом // Вестн. РГГУ. 2011. № 9 (71). С. 42–58.

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 552 с.

Бабенко Л. Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Научный диалог. 2020. № 9. С. 9–47. DOI 10.24224/2227–1295–2020–9–9–47.

Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам : аналитич. кат. // Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 18.05.2023).

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М. : Высш. шк., 1989. 404 с.

Вовчак А. Некоторые вопросы электронного архивирования фольклорных полевых материалов // Tradicija ir dabartis. 2017. № 12. С. 317–332. DOI 10.15181/td.v12i0.1554.

Галлямов А. А., Орехов Б. В. Об электронном научном издании «Фольклорный архив Башкирского государственного университета» // Вестн. РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 12. С. 140–149.

Грамотчикова Н. Б. Меморативный ландшафт малого уральского города в материалах фольклорного архива (Касли, 1970–1980 гг.) // Журн. фронтирных исслед. 2023. № 2. С. 214–236. DOI 10.46539/jfs.v8i2.419.

Грамотчикова Н., Хоруженко Т. Фольклорный архив на бумаге и в Интернете: проблемы цифровизации // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1868–1883. DOI 10.15826/qr.2022.5.766.

Камлюк-Ярошенко Л. В. Фольклорная практика : пособие. Гродно : ГрГУ, 2008. 69 с.

Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М. : Наследие, 1997. 462 с.

Кругляшова В. П. К истории и методике собирания преданий // Фольклор Урала. Свердловск : УрГУ, 1976. С. 3–23.

Латина-Кратасюк Е. Г., Рублева М. В. Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия // Шаги = Steps. 2018. Т. 4, № 3–4. С. 147–165. DOI 10.22394/2412–9410–2018–4–3–147–165.

Марковина И. Ю. Метод установления лакун в исследованиях этнопсихолингвистической специфики культур // Вопр. психолингвистики. 2004. № 2. С. 58–64.

Марковская Е. В. Классификация жанров фольклора русского и финно-угорских народов в базе данных фольклорного архива ИЯЛИ КарНЦ РАН // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2019. № 4. С. 96–108. DOI 10.15393/j103.art.2019.1401.

Мороз А. Фольклорный архив лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета // Проект «Растко» : [сайт]. 2008. URL: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/12045> (дата обращения: 18.05.2023).

Неклюдов С. Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика : К 80-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2004. С. 236–247.

Нора П. Проблема места памяти // Франция-память. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.

Осипова М. В. Об особенностях перевода фольклорных текстов бесписьменных народов (на материале айнского фольклора) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 78–82.

- Петров Н. В. Цифровые архивы частной памяти // Шаги = Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 29–56. DOI 10.22394/2412–9410–2021–7-1-29–56.
- Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб. : Наука, 1994. 238 с.
- Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : в 3 т. / под ред. А. Е. Грузинского. М. : Сотрудник школ, 1909. Т. 1. С. LX–CII.
- Савушкина Н. И. О собирании фольклора : учеб. пособие для студентов-заочников филол. ф-тов гос. ун-тов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. 62 с.
- Урсегова Н. А. Методика организации фольклорной экспедиции : учеб.-метод. пособие для студентов ссузов культуры и иск-в. Новосибирск : [Б. и.], 2014. 60 с.
- Чистов К. В. Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора. Свадебный обряд // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии / под ред. С. И. Брук. Л. : Наука, 1974. С. 69–84.
- Ekström S. From Excerpt to Cosplay. Paths of Knowledge in the Nordic Museum Archive. Culture Unbound // J. of Current Cultural Research. 2020. Vol. 12, № 1. P. 116–140. DOI 10.3384/cu.2000.1525.2020v12a07.
- Georgitis N. A. Case Study in Folklore Archives Management: The Randall V. Mills Archives of Northwest Folklore at the University of Oregon // J. of Folklore Research. 2015. Vol. 52, № 1. P. 85–98. DOI 10.2979/jfolkrese.52.1.85.
- Ilyefalvi E. The Theoretical, Methodological and Technical Issues of Digital Folklore Databases and Computational Folkloristics // Acta Ethnographica Hungarica. 2018. Vol. 63, № 1. P. 209–258. DOI 10.1556/022.2018.63.1.11.
- Järv R. Estonian Folklore Archives // Oral Tradition. 2013. Vol. 28, № 2. P. 291–298. DOI 10.1353/ort.2013.0022.
- Panchenko A. Inspirational Insights: ‘Ecosystems’ and ‘Mind Viruses’ in Folklore Research: Does Folkloristics Need Memetics? // J. of Ethnology and Folkloristics. 2023. Vol. 17, № 1. P. 1–16. DOI 10.2478/jef-2023–0001.
- Sava E. Folklore Archives and the Methodological Reconfigurations of Romanian Ethnology // Revista De Etnografie Şi Folclor. J. of Ethnography and Folklore. 2017. № 1–2. P. 1–18. DOI 10.24193/subbphil.2019.2.22.
- Wolf-Knuts U. What Can We Do Today with Old Records of Folk Belief? On the Example of Devil Lore // Folklore. 2020. Vol. 131, № 2. P. 115–134. DOI 10.1080/0015587X.2020.1733313.

References

- Adon’eva, S. B. (2004). *Pragmatika fol’klora* [Pragmatics of Folklore]. St Petersburg, Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Amfora. 312 p.
- Adon’eva, S. B. (2018). Opyt “polya” v dnevnikakh issledovatelei Russkogo Severa: zapisi Natal’i Pavlovny Kolpakovoi [Experience of the “Field” in the Diaries of Explorers of the Russian North: Notes by Natalia Pavlovna Kolpakova]. In *Iz istorii russkoi fol’kloristiki*. Iss. 11. K yubileyu Valerii Igorevny Ereminoi. St Petersburg, Svoe izdatel’stvo, pp. 158–187.
- Alekseevskii, M. N. (2011). Fol’kloristika mezhdru tekstem i kontekstom [Folklore Studies between Text and Context]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. No. 9 (71), pp. 42–58.
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii – oderzhimost’ istoriei* [Oblivion of History – Obsession with History] / transl. by B. Khlebnikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 552 p.
- Babenko, L. G. (2020). Tipy leksicheskikh mnozhestv v strukturno-semanticheskom, kognitivno-diskursivnom i leksikograficheskom osveshchenii: dinamika interpretatsii [Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations]. In *Nauchnyi dialog*. No. 9, pp. 9–47. DOI 10.24224/2227–1295–2020–9–9–47.
- Berezkin, Yu. E., Duvakin, E. N. (N. d.). Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol’klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog [Thematic Classification and Distribution of Folklore and Mythological Motifs by Area. Analytical

Catalogue]. In *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [website]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (accessed: 18.05.2023).

Chistov, K. V. (1974). Problemy kartografirovaniya obryadov i obryadovogo fol'klora. Svadebnyi obryad [Problems of Mapping Rites and Ritual Folklore. Wedding Ceremony]. In Bruk, S. I. (Ed.). *Problemy kartografirovaniya v yazykoznanii i etnografii*. Leningrad, Nauka, pp. 69–84.

Ekström, S. (2020). From Excerpt to Cosplay. Paths of Knowledge in the Nordic Museum Archive. Culture Unbound. In *J. of Current Cultural Research*. Vol. 12. No. 1, pp. 116–140. DOI 10.3384/cu.2000.1525.2020v12a07.

Gallyamov, A. A., Orekhov, B. V. (2016). Ob elektronnom nauchnom izdании “Fol’klornykh arkhiv Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta” [About Folklore Archive of Bashkir State University, an Electronic Scholarly Publication]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. No. 12, pp. 140–149.

Georgitis, N. A. (2015). Case Study in Folklore Archives Management: The Randall V. Mills Archives of Northwest Folklore at the University of Oregon. In *J. of Folklore Research*. Vol. 52. No. 1, pp. 85–98. DOI 10.2979/jfolkrese.52.1.85.

Gramatchikova, N. B. (2023). Memorativnyi landshaft malogo ural'skogo goroda v materialakh fol'klornogo arkhiva (Kasli, 1970–1980 gg.) [Memorial Landscape of a Ural Town in the Materials of a Folklore Archive (Kaslee, 1970–1980)]. In *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. No. 2, pp. 214–236. DOI 10.46539/jfs.v8i2.419.

Gramatchikova, N., Khoruzhenko, T. (2022). Fol'klornykh arkhiv na bumage i v Internetе: problemy tsifrovizatsii [A Folklore Archive Offline and Online: Digitisation Problems]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10. No. 5, pp. 1868–1883. DOI 10.15826/qr.2022.5.766.

Ilyefalvi, E. (2018). The Theoretical, Methodological and Technical Issues of Digital Folklore Databases and Computational Folkloristics. In *Acta Ethnographica Hungarica*. Vol. 63. No. 1, pp. 209–258. DOI 10.1556/022.2018.63.1.11.

Järv, R. (2013). Estonian Folklore Archives. In *Oral Tradition*. Vol. 28. No. 2, pp. 291–298. DOI 10.1353/ort.2013.0022.

Kamlyuk-Yaroshenko, L. V. (2008). *Fol'klornaya praktika. Posobie* [Folklore Practice. A Manual]. Grodno, Grodnenskiy gosudarstvennyi universitet. 69 p.

Klyaus, V. L. (1997). *Ukazatel' syuzhetov i syuzhetnykh situatsii zagovornykh tekстов vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [Index of Plots and Plot Situations of Incantatory Texts of the Eastern and Southern Slavs]. Moscow, Nasledie. 462 p.

Kruglyashova, V. P. (1976). K istorii i metodike sobiraniya predanii [On the History and Methods of Collecting Oral Narratives]. In *Fol'klor Urala*. Sverdlovsk. Ural'skii gosudarstvennyi universitet, pp. 3–23.

Lapina-Kratasyuk, E. G., Rubleva, M. V. (2018). Proekty sokhraneniya lichnoi pamyati: tsifrovye arkhivy i kul'tura uchastiya [Projects to Preserve Personal Memories: Digital Archives and Participatory Culture]. In *ShAGI = Steps*. Vol. 4. No. 3–4, pp. 147–165. DOI 10.22394/2412–9410–2018–4–3–147–165.

Markovina, I. Yu. (2004). Metod ustanovleniya lakun v issledovaniyakh etnopsikholingvistikoskoi spetsifiki kul'tur [The Method of Establishing Lacunae in Studies of Ethnopsycholinguistic Specificity of Cultures]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 2, pp. 58–64.

Markovskaya, E. V. (2019). Klassifikatsiya zhanrov fol'klora russkogo i finno-ugorskiykh narodov v baze dannykh fol'klornogo arkhiva IYaLI KarNTs RAN [Classification of Genres of Folklore of the Russian and Finno-Ugric Peoples in the Database of the Folklore Archive of the Institute of Language, Literature, and History of the Karelian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences]. In *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh issledovaniy*. No. 4, pp. 96–108. DOI 10.15393/j103.art.2019.1401.

Moroz, A. (2008). Fol'klornykh arkhiv laboratorii fol'kloristiki Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Folklore Archive of the Laboratory of Folklore Studies of the Russian State University for the Humanities]. In *Proekt “Rastko”* [website]. URL: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/12045> (accessed: 18.05.2023).

Neklyudov, S. Yu. (2004). Motiv and tekst [Motif and Text]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika N. I. Tolstogo (1923–1996)*. Moscow, Indrik, pp. 236–247.

Nora, P. (1999). Problematika mest pamyati [Problems of Sites of Memory]. In *Frantsiya-pamyat'*. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 17–50.

Osipova, M. V. (2014). Ob osobennostyakh perevoda fol'klornykh tekstov bespis'mennykh narodov (na materiale ainskogo fol'klora) [On the Peculiarities of the Translation of Folklore Texts of Peoples with no Systems of Writing (Based on the Ainu Folklore)]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 1, pp. 78–82.

Panchenko, A. (2023). Inspirational Insights: 'Ecosystems' and 'Mind Viruses' in Folklore Research: Does Folkloristics Need Memetics? In *J. of Ethnology and Folkloristics*. Vol. 17. No. 1, pp. 1–16. DOI 10.2478/jef-2023–0001.

Petrov, N. V. (2021). Tsifrovye arkhivy chastnoi pamyati [Digital Archives of Private Memory]. In *Shagi = Steps*. Vol. 7. No. 1, pp. 29–56. DOI 10.22394/2412–9410–2021–7–1–29–56.

Putilov, B. N. (1994). *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and Folk Culture]. St Petersburg, Nauka. 238 p.

Rybnikov P. N. (1909). Zametka sobiratelya [Collector's Note]. In Gruzinskii, A. E. (Ed.). *Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym v 3 t.* Moscow, Sotrudnik shkol. Vol. 1, pp. LX–CII.

Sava, E. (2017). Folklore Archives and the Methodological Reconfigurations of Romanian Ethnology. In *Revista De Etnografie Si Folclor. J. of Ethnography and Folklore*. No. 1–2, pp. 1–18. DOI 10.24193/subbphilo.2019.2.22.

Savushkina, N. I. (1974). *O sobiranii fol'klora. Uchebnoe posobie dlya studentov-zaochnikov filologicheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov* [On Collecting Folklore. A Textbook for Correspondence Students of Philological Faculties of State Universities]. Moscow. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 62 p.

Ursegova, N. A. (2014). *Metodika organizatsii fol'klornoj ekspeditsii. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov ssuzov kul'tury i iskusstv* [Methods of Organising a Folklore Expedition: A Teaching Aid for Students of Colleges of Culture and Arts]. Novosibirsk, S. n. 60 p.

Veselovsky, A. N. (1989). *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola. 404 p.

Vovchak, A. (2017). Nekotorye voprosy elektronnoho arkhivirovaniya fol'klornykh polevykh materialov [Some Questions on the Electronic Archiving of Folklore Field Materials]. In *Tradiciya ir dabartis*. No. 12, pp. 317–332. DOI 10.15181/td.v12i0.1554.

Wolf-Knuts, U. (2020). What Can We Do Today with Old Records of Folk Belief? On the Example of Devil Lore. In *Folklore*. Vol. 131. No. 2, pp. 115–134. DOI 10.1080/0015587X.2020.1733313.

The article was submitted on 12.06.2023